

Лукашевич Клавдия Владимировна

Сеятель

Третий и четвертый год обучения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Сеятель: Третий и четвертый год обучения / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 478 с.

ISBN 978-5-519-94017-7

ISBN 978-5-519-94017-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— А гдѣ же юноша, котораго я поручилъ твоему попеченію?

Вздыхнулъ старецъ и съ грустью отвѣтилъ:

— Онъ умеръ!

— Какъ, какою смертію?—спросилъ Іоаннъ.

— Умеръ для Бога.

И епископъ разсказалъ все Іоанну.

Глубокая скорбь омрачила лицо апостола. Онъ разорвалъ на себѣ одежду.

— Коня, коня скорѣе мнѣ!—проговорилъ онъ, наконецъ.—Дайте мнѣ проводника, проводите меня въ горы...

И прежде чѣмъ опомнились вѣрные, старецъ уже мчался съ проводникомъ въ горы.

Въ горахъ разбойники схватили старца и потащили къ атаману. Но лишь только атаманъ завидѣлъ Іоанна, тотчасъ пустился бѣжать. Старецъ погнался за нимъ, простирая руки. Сѣдые волосы старца развѣвались по вѣтру, одежда спала съ плечъ; казалось, онъ ничего не видѣлъ предъ собою, кромѣ убѣгавшаго атамана.

— Милое дитя мое! Зачѣмъ ты бѣжишь отъ меня, безоружнаго старика?... Сжался надо мною, пощади мою старость... Не бойся: Господь милостивъ... Остановись... Я душу готовъ положить за тебя...—говорилъ Іоаннъ разбойнику.

Разбойникъ остановился, потупивъ взоры; затѣмъ быстро сорвалъ съ себя оружіе и бросился къ ногамъ Іоанна. Старецъ горячо обнялъ его, и, прижавъ къ груди, цѣловалъ ему лицо, проливая слезы.

— Для меня нѣтъ прощенія!—воскликнулъ разбойникъ.—Эти руки обагрены кровью.

— Дай, дай мнѣ ихъ,—воскликнулъ апостолъ и приникъ къ рукамъ разбойника своими священными устами.—Онѣ уже очищены твоимъ раскаяніемъ и слезами. Я испрошу у Бога тебѣ прощеніе!... Проси и ты: Богъ милостивъ. Только вернись со мною, сынъ мой!

И юноша вернулся. Велика была радость Іоанна. Онъ торжественно праздновалъ Пасху съ вѣрующими. Юноша возлежалъ у старца на груди, какъ нѣкогда самъ Іоаннъ на груди Господа.

И до конца дней своихъ этотъ спасенный любовію человѣкъ служилъ добрымъ примѣромъ для всѣхъ вѣрующихъ.

Изреченія: *Не по грѣхамъ нашимъ милостивъ Богъ. Не устоятъ худы противъ добра. На милость образца нѣтъ.*

3. Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ;
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

4. Лучшее утѣшеніе въ жизни.

Знатный и очень богатый язычникъ крестился въ христіанскую вѣру. За это у него отняли всѣ имѣнія, отобрали все богатство его, даже жена и дѣти оставили его. Покинутый всѣми, онъ скитался по міру, не имѣя ни крова, ни хлѣба.

Нѣкто спросилъ его: «Какъ у тебя хватаетъ силы терпѣть столько лишеній и переносить столько горя, обидъ и людской неправды?» Онъ сказалъ на это: «Моя радость и мое счастье такъ велики оттого, что я позналъ Христа Спасителя; теперь я не чувствую ни горя, ни обиды, ни скорби».

5. Спаситель.

Любовью къ ближнимъ пламенѣя,	Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ;
Народъ смиренью Онъ училъ;	Ему признанія не надо:
Онъ всѣ законы Моисея	Сердце мышленье отперто;
Любви закону подчинилъ.	Его пытающаго взгляда
Не терпитъ гнѣва Онъ, ни мщенья,	Еще не выдержалъ никто;
Онъ проповѣдуетъ прощенье,	Цѣля недугъ, врачуя муку,
Велитъ за зло платить добромъ;	Вездѣ Спасителемъ Онъ былъ,
Есть неземная сила въ Немъ:	И всѣмъ простеръ благу руку
Слѣпымъ Онъ возвращаетъ зрѣнье,	И никого не осудилъ.
Даритъ и крѣпость, и движенье	

А. Толстой.

6. Вечернія размышленія.

Какъ провелъ ты нынѣшній день? Думалъ ли ты, наслаждаясь ниспосланными на твою долю дарами Божіими,

о великомъ Подателѣ ихъ? Чувствовало ли твое сердце любовь и благодарность къ Нему? Уповалъ ли ты на Него въ несчастіи и не забылъ ли Его въ счастіи? Изгонялъ ли ты изъ сердца своего всякую злую мысль, всякое злое желаніе, въ него закрадывавшіяся, и лучше ли ты сдѣлался съ нынѣшнимъ днемъ?

Поставь себѣ за правило: каждый вечеръ поразмыслить въ тишинѣ о томъ, какъ ты провелъ прошедшій день; и если найдется что-нибудь такое, въ чемъ упрекнетъ тебя твоя совѣсть, запиши это въ памятную книжку. Вспоминая иногда о своемъ проступкѣ, ты будешь остерегаться, какъ бы не впасть въ него снова. Такимъ образомъ, ты съ каждымъ днемъ будешь дѣлаться лучше и, слѣдовательно, довольнѣе и счастливѣе.

Н. Гоголь.

7. Рождество Христово.

Никогда такъ сильно не ощущаются въ душѣ впечатлѣнія дѣтства, никогда такъ явственно не переносится воображеніе въ отдаленное, цвѣтущее время молодости, какъ въ дни великихъ праздниковъ Рождества Христова и святой Пасхи. Это праздники по преимуществу дѣтскіе, и на нихъ какъ-будто исполняется сила словъ Христовыхъ: *еще не будете яко дѣти, не имате внити въ царствіе Божіе.*

Для дѣтскаго ума и для дѣтскаго воображенія какъ много привлекательнаго въ святой и трогательной повѣсти о Рождествѣ Христа Спасителя. Тихая ночь надъ полями палестинскими;—уединенный вертепъ—ясли, обставленные тѣми домашними животными, которыя знакомы ребенку по первымъ впечатлѣніямъ памяти,—въ ясляхъ повитый Младенецъ и надъ Нимъ кроткая, любящая Мать съ задумчивымъ взоромъ и съ ясною улыбкою материнскаго счастья;—три великолѣпныхъ царя, идущихъ за звѣздою къ убогому вертепу съ дарами—и вдали на полѣ пастухи посреди своего стада, внимающіе радостной вѣсти Ангела и таинственному хору силъ небесныхъ. Потомъ злодѣй Иродъ, преслѣдующій невиннаго Младенца; избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ; потомъ путешествіе святого семейства въ Египетъ,—сколько во всемъ этомъ жизни и дѣйствія, сколько интереса для ребенка. «Старая и никогда не старѣющая повѣсть». Какъ она была привлекательна для дѣтскаго слуха, и какъ скоро сживалось съ нею дѣтское понятіе. Оттого-то, лишь только приведешь себѣ на па-

мать эту простую повѣсть, воскресаетъ въ душѣ цѣлый міръ, воскресаетъ все давно прошедшее дѣтство съ его обстановкою, со всеѣми лицами, окружавшими его, со всеѣми радостями его, возвращается въ душу то же таинственное ожиданіе чего-то, которое всегда бывало передъ праздникомъ. Что было бы съ нами, если бы не было въ жизни такихъ минутъ дѣтскаго восторга!

Таковъ вечеръ передъ Рождествомъ; вернулся я отъ всенощной и сижу дома въ той же комнатѣ, въ которой прошло все мое дѣтство; на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла колыбель моя, потомъ моя дѣтская постелька,—стоитъ теперь мое кресло передъ письменнымъ столомъ. Вотъ окно, у котораго сиживала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда какъ спать не хотѣлось, потому что въ душѣ было волненіе—ожиданіе чего-то радостнаго, чего-то торжественнаго на утро. То не было ожиданіе подарковъ—нѣтъ, — чуялось душѣ, точно завтра будетъ день необыкновенный, свѣтлый, радостный, и что-то великое совершится будетъ. Бывало, ляжешь, а колоколъ разбудитъ тебя передъ заутреней, и няня, вставши, чтобы идти въ церковь, опять должна уговаривать ребенка, чтобы заснулъ.

Боже! Это же ожиданіе дѣтскихъ дней ощущаю я въ себѣ и теперь... Какъ все во мнѣ тихо, какъ все во мнѣ торжественно! Какъ все во мнѣ дышетъ чувствомъ прежнихъ лѣтъ,—и съ какою духовною алчностью ожидаю я торжественнаго утра. Это чувство—драгоценнѣйшій даръ неба, посылаемый среди мірскаго шума и суеты взрослымъ людямъ, чтобы они живо вспомнили то время, когда были дѣтьми, слѣдовательно были ближе къ Богу и непосредственнѣе, чѣмъ когда-либо, принимали отъ него жизнь, свѣтъ, день, пищу, радость, любовь—и все, чѣмъ красенъ для человѣка міръ Божій.

О, великая таинственная ночь! О, свѣтлое, торжественное утро! Если я забуду тебя, если я останусь равнодушенъ къ тебѣ, если перестану слышать тѣ *речи и слова*, коихъ *гласы* слышались въ тебѣ всякой душѣ вѣрующей,—стало быть я забуду свое дѣтство, свою жизнь и самую вѣчность... ибо что иное вѣчность блаженная, какъ не вѣчная радость младенца предъ лицомъ Божіимъ!

Изъ книги «Праздники Господни».

Пословицы: *Молись, а злыхъ дѣлъ берегись. Что Богу угодно, то и пригодно. Съ впроей не пропадешь.*

8. Свѣча предъ иконою.

Дорогъ мнѣ передъ иконою,
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возженный,
Чьей—невѣдомо рукой...
Знаю я,—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ:
Чье-то горе утихаешь,
Кто-то слезы тихо льетъ;

Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой..
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...

А. Майковъ.

9. Алей.

Въ нашей казармѣ было трое дагестанскихъ татаръ, и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною.

Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди.

Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски-простодушна; большіе, черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него.

Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались, на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутливомъ, почти дѣтскомъ; по крайней мѣрѣ, они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда, бывало, выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность.

Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-помалу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги.

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ

острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то тяжеломъ. Алей, всегда работающій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ, и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ.

Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый, прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ; но, взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную.

— Что, Алей, ты, вѣрно, сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно, тамъ хорошо?

— Да,—отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли:—а почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать! Что, тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно быть, теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай!..

— О-охъ, и не говори лучше!

Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была. А что тебѣ?

— Должно быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! Она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше! Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! что ты говоришь! Она, вѣрно, умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ и въ этотъ вечеръ ужъ больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ случая каждый разъ говорить со мной, хотя самъ, изъ почтенія, которое онъ, неизвѣстно почему, ко мнѣ чувствовалъ, никогда не заговаривалъ первый; зато очень былъ радъ,

когда я обращался къ нему. Я спрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мною гораздо ласковѣе.

— Послушай, Алей,—сказалъ я ему однажды:—отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь, въ Сибири, впоследствии?

— Очень хочу. Да у кого выучишься?

— Мало-ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи пожалуйста!—и онъ даже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись со слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта, книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю Нагорную Проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ. Я спросилъ его, нравится-ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицѣ.

— Ахъ, да!—отвѣчалъ онъ.—Да, Иса—святой пророкъ, Иса—Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Что же тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ Онъ говоритъ: «прощай, люби, не обижай, и враговъ люби». Ахъ, какъ хорошо Онъ говоритъ!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, т. е. чисто-мусульманскою улыбкою, обратились ко мнѣ и подтвердили, что Иса былъ Божій пророкъ и что Онъ дѣлалъ великія чудеса; что Онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее—и она полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполне были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствие, восхваляя Ису, и Алей былъ вполне счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно.

Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ отблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они непрерывно помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть, такъ же, какъ и братьевъ.

Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ.

— Ты для меня столько сдѣлалъ,—говорилъ онъ,—что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ. Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь, мой добрый, милый, милый Алей!...

Ө. Достоевскій.

Пословицы. *Доброє дѣло крѣпко. Сдѣлавъ другу добро, и себѣ жди того.*

10. Камень вмѣсто хлѣба.

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подающа,
Безильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
И взоръ являлъ живую муку;
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку.

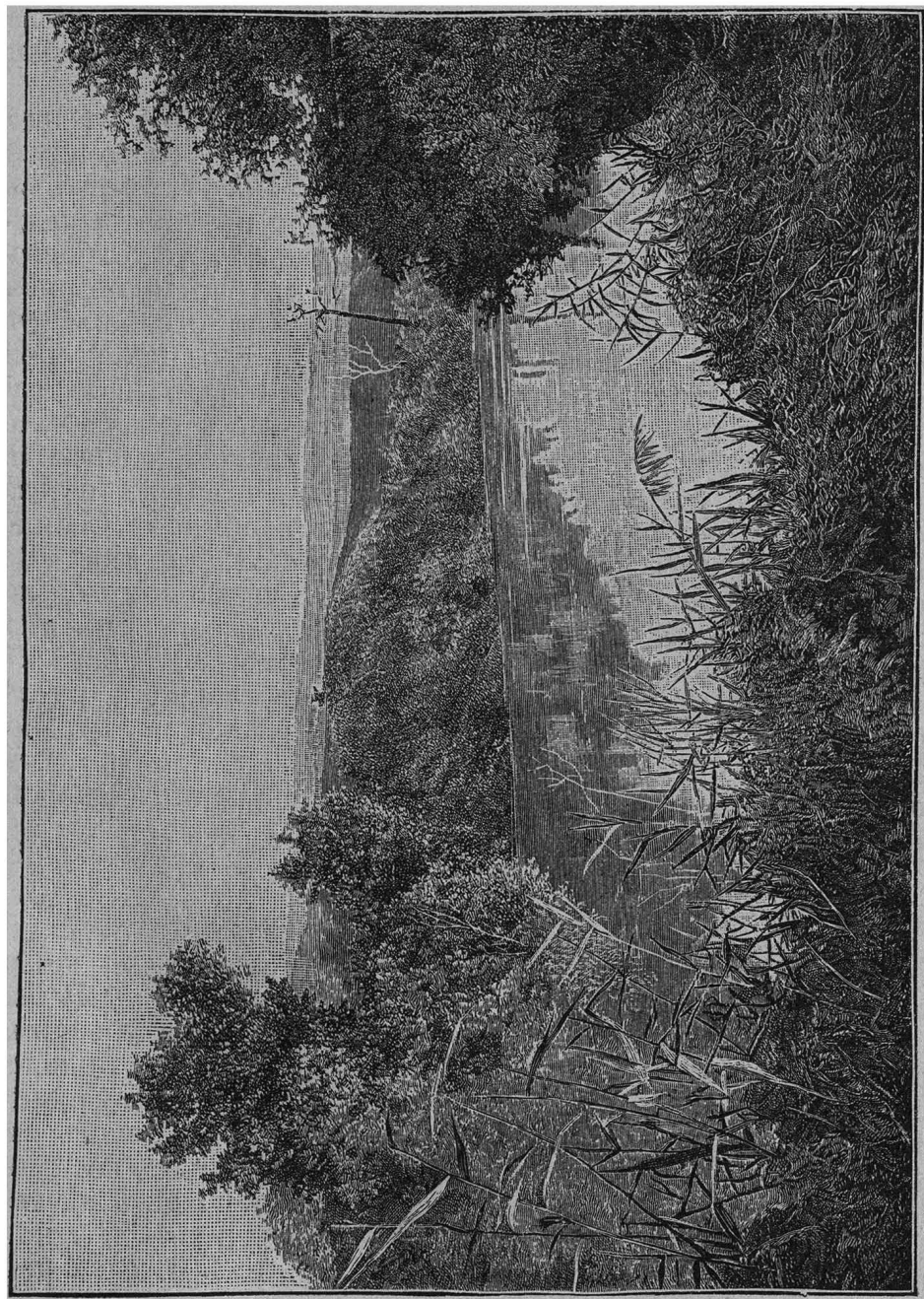
М. Лермонтовъ.

Пословицы. *Не проси у богатаго, проси у торова-
таго.*

11. Изъ путешествія по святымъ мѣстамъ.

1. Горданъ.

Было совсѣмъ еще темно, когда мы сѣли на коней и гуськомъ потянулись на востокъ. Ъхали какими-то зарослями, перебираясь черезъ канавы, нагибаясь подъ деревьями. На востокъ заблѣлась сѣровая заря, постепенно смѣнявшаяся зеленоватыми тонами, по которымъ начали загораться лиловые и розовыя облака. Мракъ постепенно уступалъ свѣту. Любуясь игрой неуловимо тонкихъ переливовъ утренней зари, доѣхали до Гордана почти

Рѣка Іорданъ.
Мѣсто, гдѣ, по преданію, крестился Господь Іисусъ Христосъ.

незамѣтно... Воздухъ былъ сухъ и прохладенъ... Мы вступили въ узкую полосу нѣкогда сильной и пышной растительности, обрамляющей оба берега Иордана. Мелколистные *тамаринды*, колючіе кусты и жесткая густая трава были свѣжи и зелены, благодаря близости воды.

Иорданъ здѣсь образуетъ заливъ, и здѣсь обыкновенно наши паломническіе караваны погружаются въ священную рѣку. Мѣсто крещенія Спасителя издавна указывалось версты за три къ сѣверу, гдѣ Св. Елена построила церковь во имя Іоанна Предтечи; при церкви былъ устроенъ монастырь. Отъ этого монастыря вела къ рѣкѣ мраморная лѣстница, и мѣсто крещенія было означено столбомъ съ желѣзнымъ крестомъ наверху. Рѣка быстро несла свои бѣловатые воды въ Мертвое море. Хотя Иорданъ и не широкъ, но теченіе такъ быстро, что переплыть рѣку было явнымъ безразсудствомъ. Востокъ разгорался сильнѣе и ярче, и, какъ только солнечный дискъ выглянулъ изъ-за горъ, я трижды погрузился въ воду, вспоминая Солнце Правды и мысленно повторяя крещенскій тропарь: «Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи»... Русскіе люди обыкновенно опускаются въ воду въ саванахъ, берегутъ ихъ до дня кончины и въ нихъ ложатся въ могилу. Даже въ этой лужѣ, гдѣ теченіе тише, нежели въ главномъ руслѣ и глубина доходитъ только до груди, плыть очень трудно. Дно рѣки неровно и каменисто. Взявъ на память камешекъ со дна рѣки и наполнивъ бутылки іорданской водой, мы поѣхали на югъ, къ Мертвому морю.

М. Соловьевъ.

2. Иерусалимъ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы стали подниматься на торжественныя крутизны Іудеи. Въѣхавъ на горы, мы скоро поравнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо и, конечно, не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ».

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы въѣхали въ узкій *дефилей* самой дикой наружности; онъ задержалъ